

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. В. ЧИСТОВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В № 2 журнала «Советская этнография» за 1953 г. опубликована статья В. С. Бахтина «О некоторых проблемах фольклористики (в связи с теоретическими положениями книги «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи»)».

Статья В. С. Бахтина — один из многих печатных откликов на названную выше книгу. Кроме того, «Очерки» обсуждались в ряде городов, в том числе в Москве и в Ленинграде, на специальных заседаниях. Все это свидетельствует о том, что книга вызвала значительный интерес. Подавляющее большинство участников обсуждений сошлось на признании важности и значительности проделанной авторами работы и в то же время спорности, а в ряде существенных моментов — слабости общей теоретической основы «Очерков».

Действительно, каждый, кто по-настоящему заинтересован в развитии советского народно-поэтического творчества и науки о нем, не мог не ожидать с большим нетерпением появления книги, цель которой — обобщить важнейшие процессы развития советского народно-поэтического творчества за более чем три с половиной десятка лет.

Как известно, 36 лет, прошедшие со дня Великой Октябрьской социалистической революции, были чрезвычайно значительными в развитии поэтического творчества народов Советского Союза. Можно с уверенностью сказать, что не только ни одно тридцатилетие, но и ни одно столетие в прошлом не было столь насыщенным, бурным, ярким и плодотворным. Изменения, происшедшие в народном творчестве за годы советской власти, столь глубоки и принципиальны, что к современному народному творчеству, как справедливо отмечают авторы «Очерков», совершенно неприменимы все те определения «фольклорности», которые отстоялись и закрепились в результате изучения народно-поэтического творчества дооктябрьского времени. Следовало бы добавить: темп и глубина этих изменений таковы, что к современному (послевоенному) народному творчеству неприменимыми оказываются и те критерии, которые казались правильными в предвоенные годы. Одним словом, 36 лет развития советского народного творчества — это большой и сложный путь, нуждающийся в систематическом изучении, в глубоком теоретическом осмыслении.

Нельзя не признать, что Институт русской литературы поставил перед собой важную и актуальную и вместе с тем трудную задачу. Задача была чрезвычайно трудна, так как авторы, работая над задуманным монографическим очерком, неизбежно должны были столкнуться и с полнейшей неизученностью ряда важнейших вопросов и с теоретической путаницей в самом понимании природы советского народного творчества. Поэтому следует всячески приветствовать дерзание, на которое отважился авторский коллектив.

В книге собран огромный материал, отдельные части этого материала освещены с достаточной подробностью, с большим или меньшим успехом. Однако самое важное сейчас все же не это. Самое важное то, что общий процесс развития (именно *р а з в и т и я*) вырисовывается пока еще очень неотчетливо. Изменения самой природы народного творчества, его художественного метода, его взаимоотношений с литературой, его удельного веса и значения в общей культурной жизни страны показаны очень слабо. В книге фиксированы главным образом тематические изменения, которые, несомненно, важны, однако показать их — это еще не значит выявить процесс развития в целом.

Если не касаться деталей, то следует признать, что после прочтения книги вырисовывается примерно следующая картина: произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, она принесла коренное изменение тематики народного творчества, значительное изменение сферы его общественного воздействия, причем все это произошло почти сразу и в дальнейшем оставалось почти неизменным. Как это новое утверждалось, к а к о й борьбой это сопровождалось, как, например, крестьянство в процессе своего превращения в колхозное крестьянство преодолеvalo пережитки прошлого в своем мировоззрении и мировосприятии, были ли какие-нибудь различия между поэтическим творчеством пролетариата и крестьянства в 20-х годах, увеличивались или уменьшались в дальнейшем эти различия, — после прочтения книги остается без малого неизвестным. Показа борьбы, становления, дальнейшего развития, смены успехов и неудач нет. Господствуют тишина, мир и благополучие, причем не завоеванные, а пришедшие сразу, сами по себе.

Бесспорно верными были упреки и в потере критерия художественности авторами некоторых глав «Очерков», в забвении того, что фольклористика как раздел литературоведения должна иметь дело с явлениями художественными по своей природе.

Совершенно недостаточно показана и роль великой культурной революции, происшедшей в нашей стране, в истории народного творчества. О великой культурной революции говорится главным образом в плане поэтического отражения явлений нового быта, вопрос же о воздействии культурной революции на весь процесс развития народного творчества, на саму природу народного творчества в основном обойден. В значительной степени это связано с тем, что, приводя те или иные факты, авторы, как правило, недостаточно четко показывают значение этих фактов для данного этапа истории советского общества.

Приведу некоторые примеры. Авторы почти с первых же страниц тома говорят о развитии самодельности. И верно — самодельность развивалась с первых же лет революции, однако в 20-х годах она была иной, чем в 30-х и 40-х годах. Недаром «Правда» 5 апреля 1950 г. констатировала, что самодельность т е п е р ь стала «поистине всенародным движением», недаром в этой же передовой говорится о самодельности как об организованной и, что еще важнее, ведущей форме современного народного творчества. Все это — черты именно современного этапа развития этой формы народного творчества.

Или еще один пример. Самодельные хоры давно уже начали создавать песни. В «Очерках» приводятся соответствующие факты и для предвоенных лет, и для лет Великой Отечественной войны, и для послевоенных лет. Факты бесспорные, однако важно, что в 30-х годах это были лишь отдельные попытки, не имевшие еще серьезного влияния на общий ход развития народного творчества, теперь же это целое движение, развитое и имеющее большое будущее, бесспорно важная, передовая, плодотворная форма народного творчества. Число примеров можно было бы увеличить, но и приведенных совершенно достаточно.

В чем же причина, в чем методологические корни подобного рода промахов?

Они обнаруживаются особенно ясно при обращении к одному из разделов «Введения» — к разделу «Советское народное творчество как новый этап в истории народной поэзии». В этом разделе анализируются основные особенности советского народного творчества. Однако вся беда в том, что они характеризуются суммарно, как качества одного этапа. Между тем советская эпоха в истории народного творчества — это уже далеко не один этап, это по крайней мере пять этапов, если принять периодизацию, предложенную авторами книги.

Основные особенности советского народного творчества изображаются в «Очерках» как неизменные качества, а не как результат длительного и сложного процесса. Между тем ясно, что 26 октября 1917 г. и 31 декабря 1950 г. (день, на котором заканчивается книга) народное творчество было во многом неодинаковым. 26 октября 1917 г. оно обладало возможностью приобретения этих качеств и в дальнейшем приобретало их по мере построения социалистического общества в нашей стране. Поэтому попытка объединить начало процесса и ряд его дальнейших этапов в одной краткой суммарной характеристике явно не может удовлетворить. Кроме того, народное творчество развивалось и изменялось на протяжении всего этого периода в теснейшей связи с другими формами советской культуры. Суть послеоктябрьских процессов развития народного творчества прежде всего и заключается в решительной и окончательной ликвидации изолированности поэтического творчества трудовых масс от других форм творчества, выработанных нацией в целом. Это преодоление изолированности стало возможным только благодаря великой культурной революции, происшедшей в нашей стране в результате приобщения миллионных масс трудящихся к лучшим достижениям национальной и мировой культуры. Огромную роль сыграло и уничтожение в процессе построения социализма векового антагонизма между городом и деревней, «городской культурой» и «деревенской культурой», и все усиливающееся стирание существенных различий между умственным и физическим трудом. В результате грандиозных преобразований родилась и расцвела единая по содержанию культура социалистических наций, входящих в состав Советского Союза, являющаяся блестящим выражением морально-политического единства советского народа.

В связи с этим следует сказать, что основным пороком методики собирания и изучения советского народного творчества, которой еще совсем недавно придерживалось большинство фольклористических организаций, было изолированное изучение «фольклорных» явлений, изучение их вне связи с другими явлениями, в своей совокупности составляющими художественную культуру советского народа. Толкование понятия «советский фольклор» как исключительно устного творчества заставляло отворачиваться от всех других форм массового художественного творчества, будто бы «не подлежащих изучению» фольклориста. Здесь несомненно сказывалось совершенно недопустимое механическое перенесение устаревших, выработанных на дореволюционном материале представлений о роли, значении и социальной природе устного творчества и его взаимоотношениях с «письменной», «книжной» литературой в условиях социалистического города и советского колхозного села. Если до Великой Октябрьской социалистической революции устное творчество было в основном единственной формой творчества широких масс русского трудового народа, особенно крестьянства, то в наши дни оно является одной из форм (причем явно не ведущей формой) богатой и многообразной художественной культуры советского народа, наряду с книгой, журналом, газетой, кино, театром, радио, самыми различными видами художественной самодеятельности и т. д. Все эти формы социалистической культуры нашего народа находятся в органическом взаимодействии, постоянно переплетаются и дополняют друг друга. Поэтому изучать одну из них в отрыве от всех остальных, вне их взаимодействия, принци-

пиально неверно. Такое изучение не сможет принести ничего, кроме ошибок. Сама жизнь поставила новую и благороднейшую задачу — от ограниченного и замкнутого в самом себе, исключительного изучения устного творчества перейти к изучению всей литературно-художественной культуры советского народа во всем богатстве ее форм и видов.

Невиданно благоприятные условия развития народных талантов, всемерная поддержка литературы и народной художественной самостоятельности со стороны партийных и советских организаций создали исключительное многообразие путей возникновения и бытования поэтических произведений. Можно назвать десятки видов советского литературно-художественного творчества: оно может протекать письменно и устно, осуществляться писателем-профессионалом и членом самостоятельного литературного кружка, возникать как произведение индивидуальное или коллективное (ср., например, песни или частушки, сложенные хорами), создаваться для напечатания в книге, журнале, газете (или стенной газете), либо для произнесения по радио, воспроизведения в кино, исполнения с подмостков дома культуры, избы-читальни, клуба, парка культуры и отдыха, для записи на патефонную пластинку, исполнения на молодежной вечеринке, во время массового гуляния и т. д. и т. п.

Как бы мы ни называли ту или иную форму или группу явлений этой многообразной и вместе с тем единой поэтической культуры — «литературой», «фольклором», «народным творчеством», «устным творчеством», «народно-поэтическим творчеством», «массовым творчеством», «литературно-художественной самостоятельностью» и т. п., одно остается несомненным: профессиональное и массовое (самостоятельное), индивидуальное и коллективное, письменное и устное — все эти формы развиваются в теснейшем и органическом взаимодействии, переплетаются друг с другом и переливаются друг в друга ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

В связи с этим возникает вопрос: правы ли те исследователи, которые стремятся во что бы то ни стало, якобы ради строгости научной классификации явлений, разъединить, расчленив «литературное» и «фольклорное», «устное» и «письменное», «индивидуальное» и «коллективное», отыскать во что бы то ни стало каждое из этих явлений в «химически чистом виде»? Не потому ли в представлении некоторых фольклористов «исчезает объект изучения», что они не могут освободиться от изжитых самой жизнью терминов и понятий, от метафизического подхода к делу, требующего ответа по формуле, «да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого»? (или как в статье В. С. Бахтина: «фольклор, а не что-то иное» — стр. 154).

Если не затуманивать проблему темным и так и не привившимся термином «фольклор», а отдать себе ясный отчет в современном содержании слов «народ», «народное творчество», «творчество народа», то нельзя не вспомнить о том, что советский народ — это все граждане, все трудящиеся нашей страны, что никаких нетрудовых классов, групп и слоев населения, противостоящих народу, у нас нет, что творчество всего народа у нас давно уже едино по своей идейной направленности и становится все более и более единым по своей художественной форме. В этом смысле «советское народное творчество» в широком понимании этого термина — это все словесно-художественное поэтическое творчество советского народа во всех его видах и формах, включая письменные и устные, профессиональные и массовые, самостоятельные, условно говоря, «фольклорные» и «литературные». Однако практически пользуются и вполне возможно пользоваться термином «народное творчество» и в более узком его значении, имея в виду массовое словесно-художественное творчество народа в отличие от творчества профессионального, с которым оно тесно связано (ср., например, «Дом народного творчества»).

Таким образом, советское народное поэтическое творчество — это поэтическое творчество народа, в какой бы форме (похожей или непохожей

на литературную) оно ни протекало, это творчество не профессионалов-писателей, а массы народа, советских людей, творящих параллельно с другими профессиональными занятиями, более того — осуществляющих в основном другие виды материального или духовного производства.

Исходя из этого, а также из убеждения в тесной взаимосвязи всех форм творчества советского народа, фольклористика, как нам кажется, должна ставить перед собой две основные задачи:

1) изучение литературно-художественного репертуара советского народа, т. е. изучение путей и причин распространения (бытования, популярности) в народе словесных и музыкально-словесных художественных произведений вне зависимости от их происхождения;

2) изучение всех форм и видов массового непрофессионального поэтического художественного творчества в их взаимосвязи и в связи с различными видами профессионального искусства.

Само собой разумеется, что сказанное вовсе не исключает необходимости внимательного изучения отдельных форм массового творчества, их художественной специфики, общественного значения и т. д. Однако было бы глубоко неправильно выделять одну из форм в качестве единственного и специального объекта специальной науки, так как генеральная задача фольклористики, несомненно, заключается в изучении массового поэтического творчества во всем его объеме, в изучении исторического значения самого этого многообразия и взаимопроникновения форм, в изучении путей развития народного творчества и т. д. и т. п.

Отдельные формы творчества, например, коллективная форма, по понятным причинам могут особенно интересовать фольклористов. Однако это не отменяет сказанного. Коллективные формы творчества (например, песни, создаваемые хорами, частушки, устные рассказы и т. п.), как показывает изучение, постоянно сочетаются с индивидуальными формами, что очень важно подчеркнуть, ибо, как известно, в практике советской жизни коллектив не подавляет личность, а способствует ее всемерному развитию. Именно об этом и говорил Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде КПСС: «Враги социализма и всякого рода их подпевалы изображают социализм как систему подавления индивидуальности. Нет ничего примитивнее и вульгарнее такого рода представления. Доказано, что социалистическая система обеспечила раскрепощение личности, расцвет индивидуального и коллективного творчества, создала условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс»¹.

Можно с уверенностью сказать, что в недалеком будущем, по мере нашего приближения к коммунизму, профессиональное и массовое искусства срастутся еще теснее, так как дальнейшее развитие советской литературы, несомненно, будет повышением и углублением ее народности, а самодеятельное массовое искусство будет все более и более приближаться к профессиональному уровню мастерства. Совершенно естественно, что будущее принесет еще больше произведений, о которых будет еще труднее, чем теперь, сказать, «литературны» или «фольклорны» они по своей природе. Вместе с тем и литературоведение и фольклористика неизбежно и окончательно сольются и образуют единую науку о литературном творчестве и литературной жизни советского народа, о творчестве профессиональном и самодеятельном, о творческом восприятии народом произведений искусства, об участии широких народных масс в созидании единого искусства эпохи коммунизма.

Интересная и острая статья В. С. Бахтина начинается с бесспорного утверждения: отсутствие общепризнанного определения понятия «советское народное творчество» ощутимо тормозит развитие советской фольклори-

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 67.

стики, приводит к путанице и теоретической неуверенности. Поэтому он останавливается именно на этом важнейшем теоретическом моменте, посвящает ему по существу всю свою статью. В статье В. С. Бахтина много интересного и верного, но еще больше спорного.

В. С. Бахтин, так же как и авторы «Введения» к «Очеркам», стремится найти основной показатель «фольклорности», безошибочный критерий, своего рода универсальный инструмент, при помощи которого можно будет в любом случае уверенно определить, принадлежит ли данный текст к области «литературы» или «фольклора». Думается, что в самой такой постановке вопроса уже таится методологический порок.

В. С. Бахтин считает, что можно отыскать единый критерий «фольклорности» для всех форм и видов советского народного творчества на всех этапах его существования. Мысль явно ложная, приводящая к снятию основной задачи: изучать идеологическую жизнь народа, как она проявляется в словесном художественном творчестве, во всех его формах и видах. Вместо этого выдвигается задача во что бы то ни стало найти отличие «фольклора» от «литературы», вынести за скобки что-то такое, что удовлетворило бы этой потребности.

Что же предлагает В. С. Бахтин? Он пишет: «Действительное отличие советской литературы от советского фольклора состоит не в содержании и даже не в способе создания художественного произведения, а лишь в форме последующего бытования этого произведения» (стр. 153). Специфически фольклорная природа «фольклорных» художественных произведений, по В. С. Бахтину, связана с их дальнейшей шлифовкой, совершенствованием коллективом. В отличие от этого, литературное произведение имеет раз навсегда созданный, закреплённый текст.

Из рассуждений В. С. Бахтина следует, что будто бы есть произведения («фольклорные»), которые специально созданы для того, чтобы быть изменяемыми, чтобы шлифоваться. Он пишет: «Вспомним также, что произведения фольклора, как бы давно они ни были созданы, всегда ощущаются современными, поскольку они действительно непрерывно изменяются, обновляются и в содержании, и в художественной форме, и в языке» (стр. 153). Прежде всего, в этом утверждении есть фактическая неточность. Далеко не все классические, бесспорно «фольклорные» произведения осмысляются как современные. Более того, большинство из них осмысляется теперь именно как повествования о прошлом. Кто же из наших современников воспринимает волшебные сказки с Иванами-царевичами и характерными чертами феодально-патриархального быта как рассказы о современности? Как можно вообразить, что классические бытовые сказки о мужике и барине, мужике и поле, мужике и кулаке воспринимались бы кем-нибудь как современные? Еще в большей степени это относится к былинам, которые, по крайней мере уже с конца XV — начала XVI в., стали восприниматься как рассказы о прошлом. Кто же воспринимает богатейшие и разнообразнейшие песни о С. Т. Разине как современные песни? Мы и любим их именно как старинные песни, как песни о нашей славной старине.

«Фольклорным» произведениям, созданным для того, чтобы в дальнейшем подвергаться коллективной шлифовке, В. С. Бахтин противопоставляет произведения индивидуальные. Созданные отдельными поэтами, певцами, сказителями, эти произведения не подвергаются изменениям, тексты их якобы твердо «закреплены».

Критерий, предлагаемый В. С. Бахтиным, может показаться безошибочным только тому, кто не пробовал применить его на практике. Практическое изучение современного народного репертуара показывает, что некоторые песни в процессе бытования действительно совершенно не изменяются, другие, наоборот, подвергаются некоторым изменениям, иногда форменной шлифовке. Однако происходит это вовсе не потому, что одни из них «литературны», а другие «фольклорны» по своей природе,

вовсе не потому, что одни созданы для того, чтобы быть неизменяемыми, а другие для того, чтобы подвергаться изменениям.

Народ поет ту песню, которая хороша, которая отвечает его коренным общественным интересам, соответствует его эстетическим идеям, совершенно не считаясь при этом, кто и как (устно или письменно) создал эту песню (т. е. «фольклорна» или «литературна» она по своей природе). Народ совершенствует ту или иную песню тоже, вопреки утверждениям В. С. Бахтина, вовсе не считаясь с тем, на какую полочку своего сознания положили ее фольклористы. Жизнь песни — процесс совершенно объективный, поэтому, вместо отвлеченных споров о классификации плохо изученных явлений, значительно важнее изучать реальные жизненные факты. А эти факты показывают, что неизменяемыми остаются те песни, тексты которых закреплены частым исполнением по радио, публикациями в песенниках, распространением посредством патефонных пластинок и т. д. Подобные песни претерпевают изменения лишь в крайних случаях — когда автор, поэт-песенник, совершил явную ошибку, когда он безусловно погрешил против смысла или явно не посчитался с художественными вкусами народа (см. например, изменения в «Партизанской» Алымова, «Конной Буденного» Асеева и др.). Нечего и говорить, что шлифовки без нужды, шлифовки ради шлифовки не происходит.

С другой стороны, существуют и песни, тексты которых не закреплены в сознании народа указанными выше средствами и подчас продолжают претерпевать изменения, подвергаться шлифовке и улучшению. Обычно это песни, распространяемые в значительной мере устным путем. Однако устность и такого рода песен очень относительна. Устный способ распространения и здесь постоянно чередуется, если не с печатным, то с письменным способом (рукописные песенники и т. п.). Следует признать, что, как правило, это песни второсортные, дефектные в идейном или художественном отношении, именно поэтому они и не популяризируются средствами радио и печати. Я подчеркиваю: как правило, потому что возможны и действительно существуют талантливые, яркие песни, еще не получившие широкого признания. Однако это не опровергает сказанного выше — закономерности нашей жизни таковы, что хорошая песня в конце концов будет признана и будет популяризоваться.

Перед наукой о русском народном творчестве стоят большие задачи, за решение которых она только начинает приниматься. Она должна создать научную историю народного творчества с древнейшей поры до наших дней. Она должна научно объяснить весь ход развития художественного творчества, созданного поэтическим гением русского народа, творчества, которое на протяжении столетий служило единственной формой, в которой выражалось мировоззрение народа, его понятие о прошлом, его мнение о современности, его мечта о прекрасном будущем. Наука о народном творчестве должна ясно показать роль и значение народного творчества в формировании и развитии великой русской литературы, в обретении ею таких важнейших качеств, как реализм и народность. Наконец, наука о народном творчестве должна показать роль и значение как фольклорного наследия, так и народного творчества советской эпохи в истории советской литературы, должна показать и объяснить те глубочайшие изменения природы народного творчества и его взаимоотношений с другими явлениями культуры, которые произошли в советское время.

Для решения последней в нашем перечислении, но едва ли не важнейшей задачи советской фольклористики совершенно необходимо уяснить современное состояние и характер народного творчества, решительно и навсегда отказаться от устаревших представлений (выработаны ли они были на дореволюционном материале или на материале середины 30-х годов). Нужно надеяться, что дискуссия, открытая журналом «Советская этнография», сыграет в этом значительную роль.